

ских и синтаксических архаизмов и поэтическим воскрешением аориста и имперфекта). См., например:

Jaroslavna rano plače u Putivlju na bedemu, govoreći: «Oj vjetre, vjetrinol Ćemu, gospodaru, nemilosrdno pušeš? Zašto sipaš, lakokrilče, hinovske strjelice na mojega vojna čete? Malo li ti bijaše gore pod oblacima zavijati, ljuljajući ladje po sinjemu moru? Ćemu, gospodaru, moju radost po kovilju razasu?».

В заключение еще несколько слов о графическо-технической передаче оригинального и переводного текста «Слова». Если учесть, что первоначальная, оригинальная форма «Слова» прозаическая, невзирая на его ритмический склад, то аутентичный перевод его также должен быть прозаическим. Последовательность, неразрывность письменной речи в ее естественном и связном потоке также говорит против раздробления связанных фраз на части, расщепленные версификацией.

Вот что получилось, например, в результате версификаторского раздробления фразы в самом начале плача Ярославны, когда из связной и цельной формы:

Jaroslavna zorom plače u Putivlju na bedemu, tužeći se...

переводчик сделал так называемое свободное двустишие:

Jaroslavna zorom plače
u Putivlju na bedemu, tužeći se...

Неуместное расчленение на стихи нарушает связное чтение и художественное осмысление прозаического целого. А такие нарушения в подобных «хирургических» вмешательствах практически неизбежны. Насколько же более чутким оказалось в этом вопросе хорватское литературоведение, когда уже сто лет назад (ср. упоминавшуюся выше статью Мишкатовича в «Виенце» за 1871 г.) предпочло прозаический точный перевод «Слова»!

Это обстоятельство и побудило нас к осуществлению первого хорватского перевода «Слова» прозой.